

В ожидании белого аиста

В Полесском радиационно-экологическом заповеднике проводятся масштабные научные исследования.

Иду по улице деревни Бабчин, в которой 23 года назад жили 728 человек. Сейчас здесь никого — тихо, не слышно няядского говора, ни лая собак, ни мычания коров... Дома здесь не захоронены, как во многих других подобных деревнях в 30-километровой зоне отчуждения вокруг Чернобыльской АЭС. Но одни хатки едва угадываются за частоколом густых зарослей кустарника, у других провалились крыши, покосились стены. На заросших травой огородах кое-где встречаются тропинки, но протоптаны они не людьми, а дикими животными. Тишь, только жутковато повизгивают-поскрипывают листы шифера, которыми забиты окна опустевших хат...

В мире животных

Позднее сотрудники Полесского государственного радиационно-экологического заповедника объяснили, что, заходя в покинутый дом, надо обязательно хорошо поколотить по ставням и в двери. Иначе на входе можно столкнуться с диким зверем, который устроил логово в бывшем человеческом жилище. Но мы все-таки рискнули войти в одну из хат, на окне которой до сих пор качались поблекшие кружевные «фиранки»- занавесочки. Пробраться через заросший двор было непросто, я едва не подвернула ногу. В прихожей под слоем пыли — ботиночки, чугунок и брошенная кукла, на проломанных досках пола среди мусора валяется пустой флакон «Шипра» и пожелтевший от времени журнал... Выходя, на крылечке замечаю еще один непонятно откуда взявшийся документ из прошлого - журнал самоподготовки учителя...

А не гуляют ли по этим покинутым деревням мутанты о трех головах? Этот вопрос заместителю директора заповедника по научной работе Юрию Бондарю задают постоянно.

— Ни одного животного с двумя головами,

тремя ногами или пятью рогами никто еще не встречал и не зафиксировал, - скептически замечает ученый. - Чтобы доказать или опровергнуть возможные последствия аварии, генетики проводили массу исследований на мухе дрозофиле, но изменения набора генов из-за радиоактивного облучения зафиксировано не было. Те дозы, которые есть на территории заповедника, недостаточны, чтобы нарушить работу генетического аппарата.

- А может, еще слишком мало времени прошло? - не сдаются мои коллеги-журналисты.

Такую возможность ученый не отрицает, однако подобных исследований пока попросту нет.

Радиационно-экологический заповедник был создан в 1988 году, его площадь на территории Хойникского, Брагинского и Наровлянского районов Гомельской области занимает 216,4 тысячи гектаров. Здесь сосредоточено около трети выброшенного из аварийного реактора Чернобыльской АЭС цезия-137, более 70 процентов стронция-90 и 97 процентов изотопов плутония — основных долгоживущих дозообразующих элементов. Природа в заповеднике сегодня приближается к своему первозданному состоянию, сотрудники сознательно поддерживают естественный процесс заболачивания: все мелиоративные каналы перекрыты, чтобы уменьшить сброс радиоактивных веществ в виде взвесей в период паводков. Таким образом, радионуклидам преграждают путь в Украину, не дают зараженным водам через Припять попасть в Днепр. Как известно, в этой стране едва ли не половина населения использует для питья именно воду Днепра.

- В зоне затопления остался березовый лес, со временем деревца засохли, и сегодня стоят в болоте только голые белые вешечки, — рассказывает Юрий Бондарь.

- Печальная картина. Поля зарастают лесом и другими растениями, характерными для этих климатических зон. А животные чувствуют себя очень вольготно. В 1997 году в заповедник завезли микропопуляцию зубров —

16 особей. Сейчас их уже около 60. Кормовая база хорошая, естественных врагов нет, вот они и плодятся. Кстати, по видовому разнообразию заповедник стоит в одном ряду с Беловежской пущей и Национальным парком «Припятский». Здесь даже лошадь Пржевальского встречается.

Белый аист Полесье покинул

Старший научный сотрудник научного отдела экологии фауны заповедника Валерий Юрко признается, что не боится ходить и ездить на велосипеде по заброшенным деревьям даже по ночам, мол, здоровый волк никогда человека не тронет. А по ночам ему приходится не спать потому, что орнитолог изучает филинов.

- Привычные человеку птицы, живущие рядом с нами, здесь становятся редкими. К примеру, домовые воробьи встречаются только по северной границе заповедника, то есть там, где еще есть люди, — делится наблюдениями научный сотрудник.

Ласточки гнездятся по всем покинутым деревьям, но с разрушением домов их становится все меньше. Очень редкой птицей стал белый аист, всего 3 — 4 пары устроили свои гнезда «за колючей проволокой». Пытается аист гнездиться в пойме реки, но из-за высокой численности орлана-белохвоста ему здесь не выжить. Кстати, ученые предполагают, что в заповеднике гнездится не менее 15 пар этой редчайшей хищной птицы. Черный аист здесь более многочислен, чем белый, — 30-50 гнездящихся пар. Эти красавцы научились выживать рядом с орланом, маскируя свои гнезда в лесу. Всего на территории заповедника отмечено 53 вида редких птиц.

Человеческий фактор

В заповеднике — на территории отчуждения и отселения — люди не живут, лишь 700 сотрудников природоохранного учреждения приезжают сюда на работу. В Бабчине размещается администрация заповедника. Обнесенная проволокой территория, на которой находится научная часть заповедника, специально была подготовлена для жизни здесь людей: с нее сняли верхний слой зараженного грунта, вывезя его на полигон, провели дезактивацию местности.

С 1998 года в заповеднике занимаются не только научной, но и хозяйственной

деятельностью. В питомнике выращивают саженцы плодовых деревьев, ведут заготовку и переработку древесины с учетом загрязнения ее радионуклидами. На конеферме заповедника — более 200 лошадей, которых периодически продают хозяйствам как тягловую силу. Коннеферма, как и свиноферма, обеспечиваются чистыми кормами. Как известно, радиоактивные вещества не накапливаются в меде, поэтому он с пчелопасеки заповедника поставляется на кондитерские предприятия. И все же не смогли удержаться от вопроса, а не страшно ли ученым здесь работать?

— До заповедника я работал в Институте ядерной энергетики 16 лет, где уровни радиации были гораздо выше, поэтому здесь я «отдыхаю», — отшучивается Юрий Бондарь.

Каждый сотрудник учреждения обязан носить в кармане «таблетку» — индивидуальный накопитель радиации. Забудешь дома — лишат премии. Эти «слепые» дозиметры периодически собирают и отвозят на проверку в Гомель. Кроме того, в научной части есть счетчик излучения человека, который показывает содержание радиоцезия в организме. Если зарегистрирована более высокая доза, чем положено, проводится служебное расследование: где и с кем работал человек, не нарушал ли санитарные правила, которые установлены для всего персонала заповедника: к примеру, ел «грязные» грибы или ягоды. За подобные «вольности» тоже строго наказывают.

Чтобы попасть за колючую проволоку заповедника, нужен специальный пропуск. Только раз в год, на Радуницу его у посетителей заповедника не требуют. Часть населенных пунктов в «зоне» захоронена, однако кладбища остались нетронутыми.

Научный подход

В Полесском радиационно-экологическом заповеднике проводятся масштабные научные исследования. Ученые изучают влияние радиации на животных и растения, пути миграции радионуклидов. В лаборатории спектрометрии и радиохимии, дооснащенной по проекту МАГАТЭ уникальными приборами и оборудованием, делают отбор проб, определяют поверхностную бета-загрязненность, а также объемную радиоактивность в объектах окружающей среды. С помощью аэрокосмических технологий

ученые оценивают, как изменяются леса, как идут процессы заболачивания. Близится к завершению и очень дорогостоящий проект, профинансированный в ходе реализации Программы совместной деятельности по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства. В ее рамках в 2007-2008 годах семь организаций провели огромную работу по измерению уровней загрязнения территории заповедника, и сейчас создан банк данных по загрязнению практически каждой его точки с шагом в 1 километр. Как отметил Юрий Бондарь, стоимость этих работ составила 5 миллионов 200 тысяч долларов. Обследования закончили в ноябре прошлого года, и сейчас ученые работают над атласом.

...На выезде из заповедника наш микроавтобус сотрудник учреждения в камуфляже обходит с дозиметром, особенно внимательно проверяя колеса. Самое грязное место — на входе в салон, где осела радиоактивная пыль с обуви.

Земля за колючей проволокой остается позади. Но где-то в глубине души у каждого живет надежда, что когда-нибудь люди и аисты снова вернуться на эту землю.

А.Яско

Источник: Нар. газ.-2009.-9 ліп.-С.5(прил.: «СВ»).